

НАСЛАЖДЕНИЕ

ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАН

ФЛОРИАН

ЗЕППЕР

Флориан Зеллер
Наслаждение
Серия «Интеллектуальный бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9430433
Зеллер, Флориан. *Наслаждение*: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78822-4

Аннотация

Эта история начинается с того, что в других историях бывает в финале: с постели. Николя и Полин вместе уже два года. Казалось бы, это достаточный срок, чтобы друг друга узнать, стать родными людьми, родственными душами. Но это и достаточный срок, чтобы привыкнуть друг к другу. Чтобы близость перестала быть сакральной, чтобы любовь из способа уйти от хаоса мира и освободиться от экзистенциального одиночества сделалась просто привычным занятием – выхолощенным, свободным от чувств. Любовь не делает человека свободным, а, наоборот, заковывает его в кандалы условностей, лишает выбора. Николя и Полин предстоит это осознать.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	10
7	11
8	13
9	14
10	15
11	16
12	18
13	19
14	20
15	21
16	22
17	23
18	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Флориан Зеллер

Наслаждение

Florian Zeller

LA JOUISSANCE

© Editions Gallimard, Paris, 2012

© Нечаев С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Часть первая «Ода к радости»

1

Эта история начинается там, где другие истории обычно заканчиваются, – в постели. Николя и Полин вместе уже два года. Они не впервые оказываются друг против друга, и она не впервые одаривает его двусмысленной улыбкой, беря за руку. Эти жесты оба легко считывают: Полин дает Николя надежду, он ее целует.

Он всегда думал, что секс – нечто метафизическое, несколько секунд, когда мужчина может взять реванш у жизни. Что за реванш? Как и все остальные, Николя должен будет когда-нибудь умереть, и этот день неумолимо приближается. Кроме того, в свои тридцать лет он так и не смог стать тем, кем мечтал (признанным режиссером). Его шансы на успех делаются все более и более призрачными, и его часто охватывает чувство отвращения и стыда. И вот тут-то секс и становится утешением.

Однако в тот день между ними происходит что-то новое. Николя лежит на спине, а Полин, только что снявшая бюстгальтер, слегка прикрывает глаза, как обычно, когда наслаждение начинает свою сладкую анестезию окружающего мира.

Внезапно одеяло приподнимается, и появляется третья голова.

Театральным жестом Софи отбрасывает одеяло. Она обнажена и держит член Николя левой рукой, а правой старается удалить волосы, которые, как ей кажется, попали ей на язык (но что же она делала под одеялом?). Полин медленным движением приближается к Софи – и это напоминает море, которое отступает. Николя закрывает глаза.

Он дышит спокойно и стремится найти мысль, сюжет или предмет, который мог бы нейтрализовать вид этих двух переплетенных женщин. Его взгляд чудесным образом падает на книгу, лежащую на тумбочке. Это «Письма» Элоизы и Абеляра. Полин подарила ему эту книгу несколько недель назад, сказав, что это, по ее мнению, самое красивое произведение романтической литературы. Затем он пытается вспомнить последний из прочитанных абзацев – не был ли это момент, когда Абеляр подвергает себя кастрации?

В этот момент его цель состоит даже не в том, чтобы получить удовольствие, а в том, чтобы *продержаться* как можно дольше. Потому что Николя – услужливый и хорошо воспитанный мальчик. Но каждый мужчина имеет свои слабости: совместное действие языков Полин и Софи легко выводит его из состояния концентрации. Он поднимается на локтях.

– Что такое? – удивленно спрашивает его Софи.

«Как можно утверждать, что в природе все хорошо продумано, – хотелось бы ему ответить, – если апогей удовольствия приходится точно на момент окончания этого самого удовольствия?» Но он довольствуется расплывчатым:

– Поттише, девочки... – Софи не очень послушна и продолжает поступательные движения вдоль его члена, в то время как Полин снимает трусики, собираясь перейти к более серьезным вещам.

То, что должно было произойти, происходит.

– Что, *уже*? – удивляется Софи со слегка ироничным выражением лица.

2

Поговорим сразу же о неудаче Николая. Английский писатель Адам Тирлвелл нашел следы разговора между несколькими видными членами группы сюрреалистов, и именно об этом разговоре я и подумал сейчас. Это происходило 3 марта 1928 года, и тема там была такая: *мужское наслаждение*. Каждое заинтересованное лицо должно было максимально откровенно рассказать о том, как у него с этим обстоит дело. Раймон Кено задает первый вопрос: «Сколько времени у вас проходит до эякуляции с того момента, как вы оказываетесь наедине с женщиной?» Андре Бретон закрывает глаза. Он пытается вспомнить, чтобы дать точный ответ. Но, прежде чем ответить, он хотел бы провести черту между двумя важными моментами: все, что предшествует акту (а это у него длится более получаса), и непосредственно сам акт (который длится, как он утверждает, максимум двадцать секунд).

Максимум?

Напомню, что Андре Бретон был основателем сюрреалистического движения, и это он написал «Безумную любовь». А посему невозможно сделать окончательный вывод относительно удачи или неудачи.

Ответ Раймона Кено подтверждает эту первую догадку: «Предварительные ласки – максимум двадцать минут, сам по себе акт – меньше минуты».

Это могло бы обнадежить Николая. Это может произойти с каждым, даже с лучшими из нас. Стоило бы держать на ночном столике книгу этого английского писателя – кто знает, возможно, она могла бы заинтересовать и Полин, которая обожает Андре Бретона.

3

– У тебя был какой-то отсутствующий вид, – говорит Николая чуть позже. Полин отвечает ему с нарочито удивленной улыбкой, словно желая подчеркнуть, что он ошибается. Нет, вовсе нет. Он же не будет утверждать, что они были втроем в постели и что в своих мечтах третьей он всегда видел Софи, эту молодую польку, с которой Полин его познакомил всего несколько дней назад.

Не в первый уже раз, занимаясь любовью с Полин, Николая представляет себе других женщин (он при этом закрывает глаза, будто боится быть уличенным в неверности, пойманным на месте преступления, представлять себе привычную картину можно и с опущенными веками). Кроме того, не он один ищет в каких-то вымышленных фигурах новую стимуляцию. Он не без эмоций вспоминает тот этап жизни, когда мир был лишен наслаждения (все годы юности, когда он смотрел на женщин, не имея возможности приблизиться к ним). А вот теперь он опасается закрыться в мире наслаждения, лишённого эмоций (жизнь в паре).

После двух лет совместной жизни он иногда спрашивает себя: а не подошли ли они к границе этого умиротворенного мира? Поэтому не следует удивляться, что его фантазмагии приходят на помощь повседневности. Но что его удивляет, так это то, что он включил в сценарий Полин, то есть ту, кто олицетворяет для него, правильно или неправильно, антитезу разврата.

Делая утром кофе, он задает себе мрачный вопрос: а хотелось ли ему оказаться в постели с Полин и другой женщиной? Эта идея, пришедшая чуть ранее, теперь кажется ему неприятной и грубой.

И здесь возникает параллель с польским водопроводчиком.

В тот месяц во всех французских средствах массовой информации развернулась кампания навешивания ярлыков, и польский водопроводчик был сделан символом главной причины безработицы во Франции. Как с ним бороться? Он трудолюбивый, и его услуги гораздо дешевле. Это скандал! Несправедливая конкуренция! Напомним, что Европейский союз всегда строился вокруг франко-германской пары. Это две страны сильные, и они, в конце концов, довольно хорошо друг с другом ладят. Но не берут ли они на себя смертельный риск, слепо соглашаясь на вовлечение в процесс бесконечного расширения Европейского союза?

Давайте более конкретно: если Франция и Германия принимают Польшу в свою постель, то стоит ли им удивляться, что Польша, имеющая талант в области всевозможных трубопроводов, ослабит их внутренний баланс?

Софи во всей этой истории в какой-то степени играет роль Польши.

Николая считает, что потерпит неудачу от такого расширения. Ему уже трудно доставить удовольствие одной женщине, а идея оказаться перед вдвое большей работой, в условиях жесткой конкуренции, в итоге представляется вообще за пределами его сил. Если только не предполагается, чисто технически, передача компетенций. Этого он не хотел бы ни под каким предлогом. И как он только мог показать Полин, что хочет другую женщину? Назовем этот рефлекс *эротическим самодержавием*, которое можно логически противопоставить *эротическому федерализму*.

Можно определить младенческое эротическое самодержавие, и тому есть причина: мужчины – по крайней мере большую часть времени – большие дети. Доказательства: измученный всеми этими соображениями, которые он вдруг находит *совершенно бесполезными*, Николая пьет свой кофе и возвращается в кровать.

4

Основатели Европы думали, что люди почувствуют себя европейцами, если у них появятся две важные вещи: флаг и гимн. Вопрос о флаге был решен в 1955 году, и, в отличие от гимна, это было несложно. Сразу же после войны все надеялись, что родился новый мир, мир после страшного ужаса, и многие композиторы захотели в этом поучаствовать. В том числе и Жан-Луи Годе. Этот композитор, уроженец Лиона, послал в 1949 году председателю Совета Европы свою *Песню мира*, скрестив при этом пальцы. Не было ли это для творца, которого все игнорировали, золотым шансом получить известность?

Песня мира была предложена Совету. Президент лично вызвал Годе, чтобы поблагодарить за внесенный вклад. К сожалению, было очень трудно адаптировать эту красивую композицию под европейский гимн.

– Почему? – удивился Жан-Луи.

– Потому что требуется единогласное решение...

В тот день там был один маленький усатый уроженец Роттердама (Нидерланды), который посчитал, что *Песня мира* слишком... И тут председатель Совета забыл термин, который был использован.

– Слишком что? – переспросил композитор, немного озлобленный, но готовый при необходимости предпринять кое-какие действия для этого господина из Роттердама.

– Слишком... как бы это сказать? – Председатель Совета не говорил на голландском, а его переводчица во время последней сессии простудилась. Он не очень хорошо понял слова своего коллеги, а посему предпочел придерживаться более общего объяснения. – Видите ли, всем понравилась эта песня, но почему вы написали ее на французском языке?

– Потому что я из Лиона! А на каком языке она должна была бы быть написана? – спросил Годе.

Председатель Совета не знал, что ответить, и в этом-то и заключалась вся проблема.

Несколько дней спустя он получил запись *Гимна объединенной Европы*, написанного неким Карлом Калфуссом, и, когда он представил ее Совету, политик по имени Берштейн (Бельгия) официально выступил против: немецкий не может быть языком для всей Европы. Да они смеются, что ли? Президент больше не знал, что делать: нужно было, сегодня или завтра, прийти к согласию, выбрать гимн, который стал бы приемлемым для всех.

В противном случае люди не будут ощущать себя европейцами!

И тут кто-то предложил «Оду к радости» из *Девятой симфонии* Бетховена. Не лучше ли будет отмечать радость, а не мир? И Шиллер, который написал первоначальный текст... Разве он не прекрасно воплотил общеевропейские ценности? Все согласились, что это хорошая идея – при условии, что будут записи на всех языках.

– Это невозможно, – заявил президент Совета, весь в поту, почти уже на грани нервного срыва. – Нам нужен единый гимн! *Один!* В противном случае это не то...

5

Сбитый с толку этой европейской мечтой, Николя пытается вспомнить первый раз, когда они спали вместе. До тех пор они были парой довольно обычной: возьмите Францию, возьмите Германию – и вот вам Николя с Полин.

В ее небольшой квартире на улице Турнелль, куда она предложила ему подняться, чтобы пропустить последний стаканчик после вечеринки у общих друзей, они проговорили всю ночь, не решаясь поцеловаться. А потом произошло решающее событие: кот Полин расположился рядом с Николя. Он попытался его тихо отодвинуть, но тщетно: Платон как будто всю жизнь мечтал улечься у Николя на коленях, и, несмотря на аллергию, Николя начал его гладить. Полин в это время рассказывала об ужасной смерти своего отца. Не желая прерывать ее повествование, важность которого была для него очевидна, Николя не двинулся с места и почувствовал страшный зуд – вполне предсказуемая реакция, если у вас аллергия.

На следующий день по телефону она рассказала своей лучшей подруге об этой встрече с Николя: «Мы много часов говорили, и, представь себе, когда я сказала ему про своего отца, он заплакал. Уверяю тебя. Нет, он не совсем плакал, но у него стояли слезы в глазах... Невероятно. *Встречала ли ты когда-нибудь такого чувствительного?*»

После этого она почувствовала импульс и поцеловала его.

Николя был удивлен ее дыханием, ее голосом, затем ее манерой получать наслаждение. Это была симфония Бетховена. Хотите вы того или нет, но есть что-то неизбежно торжественное в первых моментах любви. Вдруг вступают героические скрипки. Барабанная дробь проходит по телу. И сразу же *двадцать семь стран* собираются в вашей постели. В самом деле, это производит впечатление.

Николя хотел что-то сказать, но слова куда-то скрылись, став вдруг бесполезными, и они долго оставались в темноте, ничего не говоря, запыхавшиеся и опьяненные новыми ощущениями.

6

Когда решили, что «Ода к радости» может быть идеальным европейским гимном, надо было выбрать язык. Озабоченный тем, чтобы угодить самым восприимчивым, Петер Роланд (Австрия) предложил перевести слова на латынь. В конце концов, разве это не язык, лежавший в самых истоках? «А почему бы тогда не на древнегреческий?» – ответили ему.

Начали искать другие варианты.

И тогда Кальман Калочай (Венгрия) предложил перевести поэму Шиллера на эсперанто. Это же язык взаимодействия между европейскими народами. Ему позволили это сделать, но с какой-то неловкой улыбкой, и принялись искать другие идеи.

И вот, после сорока лет дискуссий было решено, что европейский гимн должен быть чисто инструментальной версией мелодии Бетховена. Да, это будет «Ода к радости», но без слов – и так все смогут все понять.

7

Была ли это действительно какая-то особая ночь? Николая вспоминает, что в четыре часа утра он встал с постели, и Полин спросила, куда он собрался. Она должна была хотеть спать, и Николая был готов к тому, чтобы вернуться к себе.

– Есть ли в этом квартале стоянка такси?

Тогда она протянула к нему руку и сказала:

– Я бы хотела, чтобы ты провел ночь здесь, со мной...

В тот момент этот жест, который вполне мог бы напяречь, его взволновал. Они были знакомы всего несколько часов, а она уже обращалась к нему так, словно у него уже было определенное место в ее жизни. Что-то особенное вот-вот должно было произойти, и оба казались напуганными этим общим для них ощущением.

– Ты не хочешь остаться одна?

– Нет. Но если ты хочешь уехать, тогда не оставайся...

– Нет, нет...

– Что?

– О'кей, я остаюсь.

То же самое повторилось и в дни, а затем и в недели, которые последовали вслед за этим: они не сумели расстаться. Потом Николая удивлялся этому взаимному аппетиту. Он вспомнил об одной научной статье, на которую наткнулся совсем недавно и которая называлась так: «Как рождается любовь?» Там объяснялось, что люди *генетически* запрограммированы любить своего партнера в течение трех лет. Порыв, толкающий их друг к другу, объясняется бессознательной потребностью воспроизводиться. Таким образом, в течение этого периода, короткого, но достаточно длинного, чтобы мог появиться на свет и начать развиваться ребенок, мозг выделяет некие нейроизлучения, чтобы затенять отрицательные качества партнера и поддерживать миф об уникальной любви.

Читая эту статью, Николая ощутил некоторое стеснение: ничто не выглядит так неприятно, как чисто химические интерпретации ваших чувств. Тем более что, по его мнению, этого было недостаточно, чтобы объяснить их встречу. Тут было необходимо более глубокое соглашение. Николая всегда думал, что они так дополняли друг друга прежде всего потому, что у них не было одинакового соответствия времени.

Но как определить это соответствие?

В романе «Бессмертие» Милан Кундера предлагает метод: поместить электроды в мозг человека, чтобы определить, сколько времени отдано прошлому, настоящему и будущему. Если повторять этот опыт на нескольких людях, я убежден, было бы обнаружено существование трех категорий существ: *ностальгирующих* (которые предназначают существенную часть своих мыслей прошлому), *бонвиванов* (которые, согласно современной терминологии благосостояния, полностью проживают в настоящем) и *тревожащихся* (у которых большая часть мечтаний обращена к будущему). Можно было бы также выделить подкатегории и найти, например, *честолюбивых* – подкатегорию тревожащихся, так как они не прекращают смотреть в будущее, – и это позволило бы нам подчеркнуть, что тревога – тайный двигатель амбиции. Также можно было бы выделить *слабоумных* – подкатегорию бонвиванов, и это позволило бы предположить, что ум – прежде всего деятельность, состоящая в путешествии вне настоящего.

К какой категории принадлежит Полин?

Когда ей было двадцать лет, она не могла вылечиться от этой странной болезни, которую мы называем детством: она не переставала оборачиваться к своему прошлому, и все воспоминания, которые она там находила, имели печальный привкус. Она вновь и вновь

видела свои каникулы в Бретани на берегу моря, доброжелательное лицо бабушки, прогулки на велосипеде с отцом, маленький дом, где она росла... У нее складывалось впечатление, что больше ничего и никогда не будет таким же приятным. Вокруг нее люди улыбались: «Тебе всего двадцать лет, ты же не собираешься ностальгировать...»

С годами она прекратила смотреть назад, так и не научившись жить в настоящем. Когда она закрывает глаза, чтобы попытаться представить себе то, что ее ожидает, то чувствует, как пробегает дрожь страха. Чего же она боится? Будущее у нее всегда появляется в виде враждебной равнины. По логике, тридцать лет – должен бы быть возраст наслаждения. Я говорю «по логике», понимая, что нет никакой логики и что каждое существо, как сорная трава, растет как может, и очень часто совершенно беспорядочно. Таким образом, Полин напрямую перешла от *анахронической ностальгии* (в двадцать лет) к *преждевременной тревоге* (в тридцать): и она иногда задает себе вопрос, почему она так глупо перепрыгнула единственный этап, который заслуживает того, чтобы быть прожитым, то есть этап *наслаждения*?

8

Полин работает в крупной косметической компании. Продукция, которой она занимается, оставляет ее равнодушной – это в основном косметические товары для мужчин, – но она серьезна, и шеф предсказывает ей отличную карьеру. Восхождения по служебной лестнице и уважения на работе ей достаточно – у нее нет амбиций, как у Николая, сделать то, что отличало бы ее от других. Для счастья ей всего лишь надо быть уверенной в своем будущем: в этом смысле компания ей вполне подходит. Полин может без особого труда представить, как через несколько лет будет руководить одним из подразделений этой фирмы или, почему бы и нет, одним из ее филиалов. У нее уже есть три человека в подчинении, и ей пообещали взять до конца года еще и четвертого.

В тот день после работы у нее была назначена встреча с Николаем перед кинотеатром, где показывали ретроспективу фильмов Бергмана (Швеция): Николай, обожавший кино, хотел, чтобы она обязательно посмотрела «Сцены из супружеской жизни».

Полин подходит к площади, издали видит Николая и направляется к нему. Но он ее пока еще не замечает – витает в своих мыслях, взгляд его куда-то устремлен, и Полин спрашивает себя, что происходит. Этот сумрачный вид ему совсем не подходит. Он что, получил дурное известие? Она останавливается и наблюдает издали, будто видит его впервые. Этот мужчина – действительно ли это тот, в кого она влюблена? Почему он вдруг кажется ей столь непохожим на того, кого она знает? Когда он ее замечает, то тут же овладевает собой, и его лицо начинает излучать свет.

Вечером Полин снова возвращается к этой сцене и не знает, какой сделать вывод. С их первой встречи она всегда поражалась энтузиазму Николая, а теперь вот спрашивает себя: может, это сумрачное настроение, которое она увидела мельком, в то время как он не знал, что за ним наблюдают, в конечном счете определяющее для него? А этот его постоянный энтузиазм – не использует ли Николай его лишь как красивую маску, за которой он скрывает свою истинную природу?

В действительности именно это усилие, сделанное над самим собой, именно эта *внезапная способность к радости* и определяет его глубинную суть, так как в отличие от Полины Николай относится не к категории тревожащихся, а к категории бонвиванов. Но это не значит, что он не ощущает никакой тревоги. Он боится болезни, боится, что его осудят, боится упустить свою жизнь, боится не суметь рассказать анекдот, боится опоздать, боится стать уродливым, боится не суметь дать удачный ответ, боится силы других, боится потерять волосы, боится стать бедным, боится перестать быть любимым... Список этот длинный, и все это, без сомнения, мучило его, когда он стоял на площади перед кинотеатром, ожидая Полины. Но – о чудо природы – эти тревоги никогда не мешали ему, по примеру Бетховена, быть упрямо обращенным к радости. И поэтому Полин чувствует себя рядом с ним так хорошо.

9

У Бетховена (Австрия) очень много произведений. Он работал всю жизнь как сумасшедший, несмотря на испытания, из которых наиболее жестокое – глухота. В 1796 году он осознал проблему, а полностью глухим стал в 1820-м. Я всегда восхищался им – его работой, но также и мощью его воли. Вы – музыкант, и врач объявляет, что вы станете глухим. Каковы ваши действия?

Вы опускаете руки.

А вот он сказал себе: «О'кей, я не смогу теперь жить как исполнитель, я не смогу больше давать концерты, моя жизнь, без сомнения, теперь пропала, но зато я могу окунуться в сочинительство, и я создам нечто значительное!»

Поэтому я люблю *Девятую симфонию*. Это произведение просто погружает вас в радость. Еще сочиняя эту музыку, Бетховен написал в одном из своих дневников: «Мы, существа, ограниченные неким бесконечным разумом, рождены только для радости и для страдания. И можно сказать, что самые великие из нас – те, кто в страданиях черпает радость».

Черпать радость в страданиях?

Без сомнения, именно эта фраза лучше всего характеризует жизнь Бетховена. Этот человек одинок, он бедный и глухой. Но он воодушевлен мощной жизненной силой. За несколько лет до смерти он сочинил свою последнюю симфонию, самую большую, самую сложную. Она заканчивается пением, в котором говорится: «Хорошо, тот, у кого имелись все причины для того, чтобы быть несчастным, говорит вам, а посему слушайте меня: живите в радости!»

10

Вначале у Полин и Николая не было проблем с тем, чтобы жить в радости. Они решили устроиться в маленькой квартирке недалеко от Монпарнаса. У Полин уже было много мебели; вклад Николая оказался скромнее, но символичнее – он купил кровать, которая оказалась очень полезной в первые месяцы. Входная дверь была слишком узка, и пришлось вызывать кран, чтобы поднять ее через окно. Полин и Николай наблюдали за этим с улыбкой. В этой картине – кровать, взлетевшая в воздух, – было что-то одновременно красивое и комическое.

В мае они решили поехать в Позитано (Италия). И там, в комнате отеля на побережье, Николай впервые овладел Полин сзади. До того, несмотря на влечение, которое он испытывал к этому маленькому розоватому кружочку, он к этому и не приближался. Без сомнения, из-за скрипок Бетховена. В наготе Полин было что-то торжественное, и это его пугало. Но в этом гостиничном номере все выглядело по-другому: она повернулась и, вместо того чтобы встать на кровати в классическую позу, уткнула лицо в подушки, подняв свой чудесный зад к небу. Маленькое отверстие сверкало, как черная звезда. Он вошел в нее привычным способом. Его две руки лежали на ее круглых ягодицах, а потом один из его пальцев рискнул приблизиться к ее анальному отверстию. Он бесшумно поплевал на руку, нанес слюну на нежную и робкую плоть, а потом гладил ее до тех пор, пока не смог ввести туда палец. Он мог чувствовать через бархатистую перегородку движение своего собственного члена, и это создало впечатление, что он действительно *владеет* ею. Когда все у нее достаточно расширилось, он тихо вышел из нее и вошел в нее сзади. Она поменяла дыхание, поменяла темп. Это не было больше симфонией – скорее пьеса «К Элизе». Несколько медленных нот. И очень трудных. А потом мелодия взлетела. Она повела головой. Ее спина изогнулась. Голубая светящаяся струйка расплавленного свинца наполнила ее бассейн.

Потом они долго лежали рядом, ничего не говоря. Полин прижалась к нему, и Николай не знал, что и подумать о том, что произошло. Получила ли она удовольствие? Ему показалось, что да, но он не был в этом уверен. Да и было ли это возможно?

Несколькими днями позже он наткнулся на книгу Джонатана Литтелла, которая принесла ему по этому поводу существенное разъяснение:

«Как описать эти ощущения, которые не были известны? Сначала, когда он входит, это порой бывает трудно, особенно если там немного сухо. Но когда он уже внутри, ах, это хорошо, вы даже не можете себе представить [...] Этот замечательный эффект обусловлен, по-видимому, контактом проникающего органа с простатой, этим своеобразным клитором, который у того, в кого вошли, расположен прямо напротив большой толстой кишки, как у женщины, если мои знания анатомии точны, она отделяется частью репродуктивной системы, что может объяснить, почему женщины, в целом, не очень приветствуют содомию или любят ее как удовольствие, идущее от головы».

Так это удовольствие, идущее от головы?

Возникает искушение ответить: да. Но для Полин, так любящей Андре Бретона, это не столько удовольствие, сколько подношение. Она прочитала его книгу «Безумная любовь», этот гимн слиянию, и оказалась отмечена ее маниакальной красотой. Фразы Бретона вкрались в ее жизнь, да так, что теперь она смотрит на любовь как на поэтическую уверенность, что нам полностью соответствует лишь один человек. Она не верит, что время неизбежно разрушает чувство. По ее словам, оно разрушает все лишь у тех, у кого не хватает воображения. Любить – значит бросать в жизни мостик к прекрасному, а это означает, что нужно положить к ногам другого все, что у вас есть: слезы, вдохновение, мечты и кишечник.

Так Полин уничтожила все границы, отделявшие ее от Николая.

11

На следующий день они должны были сесть на лодку в Сорренто, чтобы съездить на Капри. Николя хотел посетить дом, который был показан в «Презрении» Годара. На пирсе, в ожидании отплытия, они устроились на солнечной террасе и заказали себе по стаканчику кьянти.

Вроде бы в первый день съемок Годар увидел Брижит Бардо, приехавшую с какой-то невероятной прической на голове. Он сразу сказал, что она должна изменить прическу, рассказывает Николя, но она категорически отказалась: эта прическа – ее стиль. Его нельзя изменить. Годар пытался настаивать, но Бардо упиралась: если он будет продолжать, она не станет сниматься в фильме. Что делать? И Годар предложил ей сделку.

– Что за сделку?

– Ну, я не знаю, например, я пройду на руках...

– На руках? *Вы?*

– Да. И количество метров, что я смогу пройти, будет соответствовать количеству дюймов, которые вы удалите в этой своей прическе. Идет?

Бардо выглядит угрюмо, но все же согласилась: она обязательно победит. И потом эта идея веселила ее... Мужчины часто ее боятся. Наверное, именно поэтому они никогда не пытаются смешить ее?

Но она не знала, что у Годара в жизни всегда было два таланта: снимать кино и ходить на руках. Он сделал акробатическое движение, и Бардо принялась считать вслух: «Один, два, три, четыре...» А потом зааплодировала. Годар – гений.

Но Полин слушает этот анекдот как-то рассеянно. Она листает местную газету, лежащую на столе рядом с ними, и, кажется, сосредоточена на статье.

– Я всегда мечтал жить с женщиной, которая говорила бы по-итальянски, – говорит ей Николя, и она начинает ему переводить статью вслух, чтобы доказать, что он совершенно правильно решил жить с ней. Таким образом они узнают, что какой-то местный игрок выиграл в «Евромиллионы». Имя победителя, конечно же, держится в секрете, но мы знаем, что он живет в небольшой деревне недалеко от Амальфи. Каждый хочет знать, о ком бы могла идти речь.

– Я прочитал в «Монде» статью, – говорит Николя, – которая тоже рассказывала о парне, выигравшем в лотерею. Он думал, что это был самый счастливый день в его жизни, но год или два спустя его жизнь рухнула: он поссорился со своей семьей, со своими детьми, у него больше не стало друзей...

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что беды очень часто начинаются в тот момент, когда появляются деньги. Ты не находишь?

Полин какое-то время молчит.

– Я, видишь ли, думаю, что все как раз наоборот... Ты решишь, что я ужасна, но иногда я говорю себе, наблюдая за миром, меня окружающим, что все покупается. Друзья, любовь и даже здоровье...

– Любовь? А какая тут связь?

– Связь в том, что намного проще любить, когда живешь в хорошей квартире в Париже и можешь себе позволить поехать в Италию, тебе не кажется?

Нет, Николя так не кажется.

Надо сказать, что у него не самое простое отношение к деньгам. Можно подумать, что это связано с тем, что он так и не смог стать богатым, *очень* богатым, но это неверно. Его прадед принадлежал к крупной русской аристократии и был вынужден покинуть свою

страну после революции 1917 года, оставив там все свои владения. Минувя Берлин (Германия), он переехал с женой и сыном в Париж и стал там шофером такси.

Много лет спустя, еще ребенком, Николя посетил эту страну вместе с отцом и был удивлен, что Ленин вовсе не был разоблачен в русской мифологии: он остался героем, который сверг империю. На Красной площади пришлось отстоять много часов в очереди, чтобы полюбоваться его мавзолеем. Почему отдавали столь торжественную дань человеку, который сломал так много жизней, в том числе и жизнь его прадеда?

Революцию Ленин тайно готовил в Монтрё (Швейцария). Но поначалу дань ему была не столь приятна. Так, например, однажды, на выходе с тайного собрания, молодая женщина по имени Фанни Каплан подошла к Ленину, когда он приблизился к своей машине. Она окликнула его, он обернулся, и она выстрелила в него три раза. Две пули попали в цель, но не убили его. Врачи сочли слишком опасным извлекать их, и Ленин вынужден был смириться с мыслью о жизни со свинцом внутри. Он знал, что эти небольшие пули, находившиеся в непосредственной близости от его позвоночника, могут стать для него фатальными.

Посмотрите на фотографию Ленина и скажите себе, что этот человек жил с крошечными бомбами замедленного действия внутри. Человек, которому нечего терять. Можно подумать, что это всего лишь деталь, но на самом деле два маленьких шарика, невидимых невооруженным глазом, размещенных между плечом и одним из легких, имели больше влияния на судьбу Европы, чем всё, что потом появилось в исторических книгах.

Затем Ленин сел на поезд в свою страну. Поезд был бронированным, и в Петрограде его встретили звуками *Марсельезы*. Ожесточенные русские революционеры пели наш гимн по-французски: это было не очень обнадеживающее зрелище для будущего Европы. Я не хочу делать лишнюю рекламу Жан-Луи Года и его *Песне мира*, но нужно признать, что французский национальный гимн – это в первую очередь военная песня, и ее текст ассоциируется с руками, испачканными в крови. *Марсельеза* в Петрограде – от этого бросает в дрожь. С этого момента Ленин уже не знал страха; во всяком случае, он был приговорен; он тогда махнул рукой и с волнением запел революционный гимн¹.

¹ Тут автор ошибается. На самом деле покушение на Ленина было совершено уже после революции, 30 августа 1918 года. По официальной версии, в него стреляла эсерка Фанни Каплан (Фейга Хаимовна Ройтблат). И произошло это не на «тайном собрании», а на многолюдном митинге рабочих завода Михельсона (ныне завод имени Ильича) в Москве. После покушения Ленина успешно прооперировал врач Владимир Минц. А умер Ленин 21 января 1924 года. Официальное заключение о причине его смерти гласило: «Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания». – *Здесь и далее примеч. перев.*

12

Полин и Николая – часть нового мира, в котором деньги имеют абсолютную власть. Мы больше не в XX веке, когда можно было курить в пабах и дискутировать: это был век противоречивых идей. Правила изменились: теперь это правила денег, которые заменили понятие *противоречие* на понятие *переговоры*. Может быть, именно это Полин и пыталась только что выразить, когда сказала, что у нее при взгляде вокруг возникает ощущение, что все можно купить.

На пирсе как раз перед оплатой мест на лодке они останавливаются у банкомата, и аппарат проглатывает голубую карту Полин.

– Вот видишь, ты не все можешь купить... – говорит Николая со злой усмешкой.

Полин целует его и шепчет:

– Ты говоришь ерунду...

В это время с лодки звучит сигнал, и сердце Николая сжимается. У них нет больше времени на покупку билетов. Он смотрит, как лодка удаляется, а ведь она должна была сделать его чуть ближе к Годару.

В течение многих лет Николая мечтал стать режиссером и ради этой цели даже пошел на жертву – не встал на путь достижения материального успеха. Николая начал серьезно учиться, хотя вполне мог бы, как это называл его отец, «обзавестись настоящей профессией». Но нет. Ожидая возможности сделать свой первый фильм, он решал задачи, которые не привлекали его и за которые очень мало платили. Иногда он работал ассистентом на съемках, а чаще и вовсе довольствовался работой водителя – возил актеров. Когда у него появлялось свободное время, он пытался написать свой сценарий. И что, он от этого более несчастен?

Ночью к нему пришел призрак его прадеда и заявил:

– Тебе повезло, что у тебя есть образование, ты умный мальчик, и ты готов все разрушить, но ради чего? Чтобы заниматься кино? Это красиво – кино. Но что ты будешь делать, если окажется, что у тебя нет таланта? Знай, что жизнь – трудная штука, *очень* трудная, это не легкая прогулка. Тебя ждут постоянные испытания. Много испытаний. Когда я приехал в Париж, у меня не было ничего. Ничего, ты меня слышишь? Я говорил на пяти языках, был образованнее многих, но все равно всю жизнь работал как сумасшедший, чтобы оплатить аренду жилья. В течение многих лет я работал таксистом. А ты учился, и что ты выбрал для себя под вывеской кино? Ты стал водителем! Поверь мне, это глупо. Давай, поторопись и устройся работать в какую-нибудь адвокатскую контору...

Но стоило Николая лишь закрыть глаза, как призрак замолчал.

Это то, что Полин всегда нравилось в нем: он – щит от злых мыслей. По крайней мере, от ее злых мыслей. Благодаря ему она может примириться с тем, что ей предлагают.

Я вижу их, тесно прижатых друг к другу, на опустевшем пирсе в Сорренто. Они без сожаления смотрят на лодку, исчезающую вдаль. Они сядут на следующую, потому что нет никакой спешки и все принадлежит им – перед ними настоящее.

13

Как и у большевиков в Петрограде, пением приветствовавших Ленина, сердце Бетховена лежало к Великой французской революции.

Ровно в тридцать лет он написал свою *Третью симфонию* и захотел посвятить ее генералу Наполеону Бонапарту, в то время Первому консулу, ибо Бетховен верил в республиканские ценности. Но когда он узнал, что провозглашена Французская империя, то почувствовал себя обманутым в ожиданиях и заменил в партитуре заглавие «Бонапарт» следующей фразой: «Героическая симфония, сочиненная, чтобы почтить память одного великого человека».

Он много раз с яростью подчеркнул слово «память», да так, что слегка порвал бумагу.

Бетховен никогда не был успешен материально. Глухота мешала ему давать концерты, и он слишком ценил свою независимость, чтобы жить за счет кого бы то ни было.

И вот он сопровождает князя Карла Лихновского в его замок в Силезии. В то время эта область простиралась на Польшу, Чехию и часть Германии, ее занимала наполеоновская армия, и князь Лихновский принимал в своем замке нескольких французских офицеров. Узнав, что перед ними знаменитый композитор, они попросили его что-нибудь сыграть. Небольшое произведение для фортепиано. Но Бетховен отказался: для него это были предатели. Князь настаивал, он хотел порадовать своих гостей, но Бетховен никогда не отличался покладистым характером: он решил, что не будет играть для наполеоновской армии, и не поменял своего мнения. Князь рассердился, они поссорились: да как Бетховен посмел отказать ему в столь крошечной милости? В тот же вечер Бетховен послал князю следующие слова оправдания: «Вы родились со своим титулом. Я же сам сделал себя композитором. Князей много, и их еще будут тысячи. Но Бетховен – только один».

Я обожаю эти слова.

Несколько лет спустя аристократы объединятся в патриотическом воодушевлении, чтобы помешать австрийскому композитору уехать в Вестфалию, и предложат выплатить ему значительную годовую ренту, если он согласится остаться в Вене. Этот договор – чистое золото. Контракт всей его жизни. Бетховен согласится: он наконец-то сможет работать, не беспокоясь о деньгах... К сожалению, возобновление войны между Францией и Австрией все изменит: императорская семья вынуждена будет покинуть Вену, и договор, навязанный Наполеоном, разорит меценатов. В результате Бетховен не получит и сотой части от суммы своего договора.

Если бы не Наполеон, Бетховен не закончил бы свою жизнь в нищете; если бы не Ленин, Николая начал бы свою жизнь в богатстве.

Это лотерея Истории. Но в отличие от лотереи «Евромиллионы» билет тут бесплатный.

14

Я боюсь, что в большой лотерее Истории реальным проигравшим будет Платон. Едва войдя в квартиру, Николая начал чихать, почесывая нос и плача.

– Что с тобой случилось? – спросила Полин. И он был вынужден ей сказать, не вдаваясь в подробности их первой встречи, что у него аллергия на кошачью шерсть.

– Мне очень жаль, но я ничего не могу поделать...

– Что тут можно сделать? Надо найти решение.

Он пытался принимать лекарства, но они оказались неэффективными.

– Обжалованию не подлежит, любовь моя. Ты должна выбирать: он или я, – резюмировал Николай тоном, который не понравился Полин. Она обожала это животное, и идея расстаться с ним была для нее невыносима. Зачем он шутит с этим?

– Это дикий кот, ты знаешь. Я нашла его в Румынии... Я была там по работе и встретила человека, маленького старичка, который попытался продать мне его. На самом деле у него был целый выводок. Множество черных котят, таких же, как Платон. Его английский был не так хорош, но я поняла, что он утопит тех, кого ему не удастся продать в тот день. Я не смогла сопротивляться и вернулась с этим... Я спасла по крайней мере одного.

– А почему ты назвала его Платоном?

– Потому что, похоже, он все время размышляет над чем-то, тебе не кажется?

В конце концов Полин решила доверить кота своей матери, живущей в Шартре. В субботу они поехали туда на машине. Пластиковая клетка с Платоном стояла сзади. Кот не двигался. Полин молчала. Эта поездка была похожа на похоронную процессию.

Николя посмотрел в зеркало заднего вида: в его взгляде читалось некоторое опасение. Понимал ли этот маленький философ, что происходит? По ассоциации он подумал о «Пире» Платона, в котором Аристофан рассказывает, что когда-то наша природа была не такой, как теперь, а совсем другой. Кому не знаком этот миф? Якобы изначально имелось три категории людей: мужчины, женщины и андрогины, сочетавшие в себе мужской и женский пол. Тело у всех было округлое, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя лицами. Но сила людей была такова, что Зевс нашел способ ослабить их: он разрезал всех пополам. И так началась любовь: каждый стал чувствовать, что глубоко внутри себя он лишь часть разрезанного целого.

Аристофан, пожалуй, не слишком ошибался, и Платон, от которого теперь предстояло отделиться, был лишним подтверждением того, что две потерявшиеся половинки могут наконец встретиться.

«Но в конечном счете, – сказал себе Николай, – это все же не похороны, а романтическое путешествие!»

15

Горячий июньский воздух влетает в открытое окно автомобиля. Николая подключает свой айпод к радио, выбирает песню «Идеальный день» Лу Рида и начинает подпевать. Полин смотрит на него с интересом. Сколько раз они слышали эту песню? Она помнит, например, как однажды вечером они танцевали вместе в гостиной, а когда музыка закончилась, остались словно приклеенными друг к другу, продолжая кружиться на месте в течение еще нескольких долгих минут, несмотря на оглушительную тишину. Николай считает, что нет ничего прекраснее этой песни. Он иногда говорит: «В списке вещей, оправдывающих существование, есть ты, а сразу после тебя – «Идеальный день» Лу Рида!»

Не открывая глаз, Полин отвечает: «Тсссс...», не желая нарушать прекрасную тишину.

Она знает, что даже через двадцать лет, слушая эту песню, будет вспоминать этот их нескончаемый танец в гостиной. Их первые годы с Николаем. Она будет переосмысливать свою юность.

А это – это своего рода национальный гимн их пары.

Но пары, как ни странно, не вечны, и я задаюсь вопросом, как у Николая и Полины все будет обстоять в будущем. А пока автомобиль мчится по освещенной солнцем Национальной автостраде, но мы знаем, что это не может длиться вечно – придет время, песня закончится, и двум телам неизбежно придется отделиться друг от друга.

Думают ли они об этом хотя бы иногда?

Николай помнит, что в тот день, когда они впервые посетили свою новую квартиру за бульваром Монпарнас, одна деталь привлекла его внимание: во время прошлых подобных визитов Полин вела себя нерешительно, а тут, при виде этой трехкомнатной квартиры, что так расхваливал агент по недвижимости, мгновенно воодушевилась. Ей очень понравился вид, который открывался из гостиной, а также лестничная клетка – в том числе коваными перилами, увидев которые она сказала, что здание «ничего не потеряло от своего очарования стиля ар деко». Но что там явно выделялось, так это третья небольшая комната. Полин сказала, что это было бы идеальное место для него:

– Ты можешь сделать там себе кабинет. Там будет тихо и удобно писать сценарий...

Николай не стал скрывать, что это хорошая идея. Но он отметил, как раз перед самым уходом, что Полин в последний раз остановилась перед этой крошечной комнатой, и какая-то непонятная ему улыбка пробежала по ее лицу. О чем она подумала?

Николай был удивлен ее практичностью: они еще не начали жить вместе, а она уже предусматривала возможность рождения ребенка. А он? Разве ему приходили подобные мысли? У его друзей уже начали появляться дети, и это называлось: *достигнуть тридцати лет*. Но он не рассматривал эту возможность в практическом плане. На данный момент он любил Полин. Но что с ними будет через год? Через два года? Николай был не способен на это ответить.

16

Двигаясь по дороге на Шартр, Николя думает о фильме, который он открыл для себя незадолго до этого: «Путешествие в Италию» Росселлини. Он знает, что Годар находился под впечатлением от этого фильма и в его «Презрении» много цитат, ссылок и заимствований из него. «Путешествие в Италию» – история английской пары, которая едет в отпуск в Неаполь. Первая сцена происходит как раз в автомобиле, и, вероятно, именно поэтому эти образы и пришли Николя в голову, когда они с Полин тихо ехали в Шартр. Главные роли в фильме Росселлини играют Ингрид Бергман (Швеция) и Джордж Сандерс (Англия). Во время этой поездки что-то между героями неизбежно увядает, и они обнаруживают, что стали чужими друг другу.

Полин и Николя, похоже, следуют обратным путем. После пересечения пустынных равнин Боса они прибывают в Шартр, и лицо Полин загорается: «Мне приятно, что ты увидишь место, где я жила». Она просит Николя повернуть направо после светофора, и они оказываются на крошечной улочке.

– Когда я была маленькой, то каждый день ходила здесь в школу... Смотри, там я поворачивала налево...

Николя замечает другую улицу и вдруг представляет себе маленькую девочку с ранцем за плечами и говорит себе, что хотел бы познакомиться с этим ребенком.

– Что? Почему ты улыбаешься? – спрашивает Полин. – Ты находишь это смешным?

– Нет, вовсе нет. Напротив...

У него возникает ощущение, что это паломничество в прошлое Полин, и он понимает, что любить человека – значит любить и ребенка, которым он когда-то был. Он воображает ее идущей рядом с другой девочкой – послушной, сосредоточенной. После школы она всегда заходит в булочную, чтобы купить себе сладости. Деньги она стащила из кошелька матери и, так как была верующей, думала, что Бог в конечном счете накажет ее за ее преступления. И вот – стоматолог уже утверждает, что у нее сильный кариес.

А справа Полин показывает тренажерный зал, где она занималась дзюдо.

– Ты занималась дзюдо?

– Да, – отвечает она, пожав плечами.

Николя начинает смеяться.

– Я еще играла на фортепиано, но ненавидела это. У меня был совершенно дебильный учитель... А мой отец играл очень хорошо. Он играл все время. Было так здорово его слушать... Вот он умел делать то, за что брался...

Полин снова замолкает, и Николя задумывается. Она думает о своем отце. Он помнит, что это было первым, о чем она ему рассказала. Отец Полин умер от рака, когда ей было одиннадцать. Из всего, что она поведала Николя, ему запомнилась одна картина: под самый конец, в течение последних недель, она каждый день сразу после школы ходила к отцу в больницу и делала с ним домашние задания на следующий день. Николя представляет себе эту сцену: девочка с книгами и карандашами покорно сидит рядом с больничной койкой. Ее отец молча наблюдает за ней. Самые страшные мысли должны были пробегать у него в голове.

17

Дом расположен в тупике, и Полин просит его припарковаться на перпендикулярной улице, чтобы дойти до места пешком.

– Мы прибыли, – объявляет она Платону. Солнце ослепляет их и придает деревьям красноватый оттенок.

Мать Полин ждет их перед домом. Она целует и обнимает дочь, затем обращается к Николя:

– Очень рада вас видеть... Надеюсь, в дороге все было хорошо.

Потом они пьют кофе в небольшом саду за домом. Все выглядит так, будто они очень далеко от Парижа, в какой-то другой стране, и Николя пробует представить себе детство Полин. Как он понял, после смерти мужа ее мать долго оставалась одна, но в конце концов начала жить с местным анестезиологом. К сожалению, он был вынужден уехать на конференцию, посвященную болям у животных, и не вернется до понедельника. Боли у животных? Она пояснила, что в Германии животных усыпляют, прежде чем убить, в то время как во Франции никто не заботится об этом, и боины представляют собой отвратительные места, где царят пытки и казни.

– Животные тоже имеют право на достойную смерть, вам не кажется? – Мать Полин очень заинтересована этой темой и, кроме того, она не ест мяса. На ужин кабачки в сухарях.

– Ты пойдешь повидаться с папой? – вдруг спрашивает она Полин, которая, кажется, теряет и, не зная, что ответить, неловко поворачивается к Николя. Проезжая недавно мимо собора, он заметил кладбище и подумал, что, вероятно, именно там похоронен ее отец.

– Не возражаешь, если мы сходим? – спрашивает его Полин чуть позже, когда они закончили с кофе и ее мать принялась наводить порядок на кухне. Николя отвечает, что не возражает, конечно же, и они отправляются в путь. Полин берет лейку и у входа на кладбище наполняет ее водой. Они проходят по тихим аллеям, усыпанным белым гравием. Могила отца кажется совсем маленькой. Ее покрывает массивная бегония, и Полин с почти материнской осторожностью поливает ее, как будто они пришли именно к этому растению. Затем, когда эта задача выполнена, они немного стоят рядом друг с другом, ничего не говоря, и перед спящей плитой она берет его за руку.

18

После ужина, во время которого мать Полин пропагандирует борьбу Бардо за права животных – «Носить меха, – заявляет она, – значит носить смерть», – они поднимаются в детскую спальню. Там ничего не изменилось за многие годы: все те же занавески, те же обои, то же покрывало на кровати. Так было, когда восемнадцатилетняя Полин покинула этот дом, чтобы поехать учиться в Париж. Она словно успокаивается, толкая дверь: мир может исчезнуть, но всегда будет место, где ее собственная история останется нетронутой.

Лежа в постели рядом с Николя, она думает о том, как впервые легла с мальчиком – именно *в этой постели*, – и обе ситуации перекрываются в ее сознании. Она была такой неловкой тогда... Ей было семнадцать... Мальчик, как помнится, раздеваясь, иронично улыбался, и это ее задело: она не так хорошо разбиралась в любви. В течение многих лет потом эта улыбка ее напрягала, и она была убеждена, что не может сойтись с мужчинами.

Но теперь Николя ее раздевает. На ней лишь розовые трусики и белая футболка. Она мягко отстраняется от него и спускается к его члену, она держит его в руке с радостной гордостью. Она держит его, словно знамя, это знамя своей женственности, и она размахивает им перед памятью о своей первой любви. У нее складывается впечатление, что через годы та девушка, какой она была, протягивает ей руку. Эта кровать внезапно включает в себя все ее влюбленности, от первой до последней, и ей кажется, что она может проследить эту любовную цепочку, снова ощутить трепет первого раза и, наконец, преодолеть память об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.